

DOI 10.31250/2618-8619-2021-4(14)-168-178

УДК 39:004.738.5

Инга Владимировна Стасевич

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-5213-4647
E-mail: stinga73@mail.ru

Новые способы трансляции информации в обрядовой культуре казахов

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена рассмотрению современного обрядотворчества в казахской культуре. В частности, автор анализирует влияние новых форм передачи информации на обрядовые практики жизненного цикла. Живущий в информационном обществе человек располагает большим разнообразием способов получения информации и выстраивания жизненной стратегии по сравнению с тем, кто принадлежит миру традиции. В современной ситуации значительного увеличения не только скорости передачи данных, но и числа доступных каналов сохранения и трансляции информации способов проявления этнической идентичности также стало заметно больше. Но нужно иметь в виду, что материалы, посвященные обрядности и размещенные в Сети, являются лишь виртуальным отражением существующих практик. В Сети не создается новая обрядность, это всего лишь одна из форм презентации уже существующей, дополнительная возможность для современных казахов подтвердить имеющиеся родственные и социальные связи. Информационное пространство интернета, мобильная связь, мессенджеры и социальные сети позволили выстроить новую стратегию взаимодействия, они изменили сам механизм коммуникации, сохранения и передачи информации не только в обрядовой сфере, но и в обыденной жизни. По сути, в современном мире мы сталкиваемся с новым способом самопрезентации, социализации человека.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: информация, обряды, казахи, социальные сети, мессенджеры, этничность

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Стасевич И. В. Новые способы трансляции информации в обрядовой культуре казахов. *Кунсткамера*. 2021. 4(14): 168–178. doi 10.31250/2618-8619-2021-4(14)-168-178

Inga Stasevich

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences
Saint Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-5213-4647
E-mail: stinga73@mail.ru

New Means of Information Broadcasting in the Ritual Culture of Kazakhs

ABSTRACT. This paper is devoted to contemporary upgrading of rites in the Kazakh culture. In particular, the author analyses the influence of new forms of information transfer upon the ritual practices of the life cycle. The modern life offers to the people of today, by contrast to those living in the traditional world, additional options not only in selecting the ways of obtaining information but also in shaping their life strategies. In the present situation of the considerable increase both in the rate of information transfer and the number of the available channels of storage and information broadcasting, the ways of manifestation of one's ethnic identity have also been significantly expanded. However, it should be remembered that rites-related materials found on the Web are only a virtual reflection of the actually existing practices. No new rite system is created in the cyber space; it is only one of the forms of presentation of the already existing rituals and, for the modern Kazakhs, an additional possibility to corroborate the extant familial and social connections. The information space of the Internet, mobile communication, messengers, and social networks have enabled users to build a new strategy of interactions; they have changed the very mechanism of communication and information preservation and transfer — not only within the ritual sphere but also in everyday life. In essence, in the modern world, we encounter a new way of self-presentation and socialization of an individual.

KEYWORDS: information, rites, Kazakhs, social networks, messengers, ethnicity

FOR CITATION: Stasevich I. New Means of Information Broadcasting in the Ritual Culture of Kazakhs. *Kunstkamera*. 2021. 4(14): 168–178. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2021-4(14)-168-178

Исследователи традиционной казахской культуры неоднократно отмечали значительную ценность информации, в том числе сведений повседневного характера, в жизни кочевников (Толыбеков 1971: 130–131; Попова 2007: 228–233; 2018: 694–699). Разветвленная система социально-родственных связей казахского общества не могла существовать без информационной общности, которая помогала кочевникам координировать процесс кочевания, оперативно реагировать на внешние угрозы, выстраивать систему социального контроля и поддерживать социальное взаимодействие на всех уровнях, от семьи до родового коллектива. Особенно актуальна система «устной передачи» сведений для обществ с ограниченным владением письменностью. Значение для казахской культуры скорости и ценности передачи слухов, устной информации житейского свойства, подчеркивает существовавший в прошлом обычай *ұзын құлақ* (дословно с казахского языка означает «длинное ухо»). Справедливо замечание по этому поводу Л. Ф. Поповой: «Обладание эксклюзивной новостью выделяло человека и привлекало к нему внимание, давало возможность проявить себя, что для казаха было чрезвычайно важно, поскольку казахский этнос относится к типу обществ с высокой значимостью личного авторитета» (2007: 229). Достоверность информации не просто поддерживала авторитет человека, но и заметно повышала его социальный статус. В обратном случае, если человек предоставлял заведомо ложные сведения, его ждало наказание, а нередко и социальная изоляция.

Обычай казахского гостеприимства подразумевал обмен новостями, за предоставление крова и пищи от гостя ждали ответный «дар»: информацию о происходящих в соседних аулах событиях, рождении детей, свадьбах, похоронах, о состоянии пастбищ и водопоев, движении караванов и т. д. Если основным каналом передачи информации об обыденной жизни было общение вне семьи и особенно ценились сведения, касавшиеся жизни за пределами родного аула, то сведения о правилах проведения тех или иных обрядов, нормы традиционного этикета сохранялись и передавались в рамках семейно-родственной группы. И ведущая роль в этом процессе устойчиво сохранялась за старшим поколением.

Живущий в информационном обществе человек располагает большим разнообразием способов получения информации и выстраивания жизненной стратегии по сравнению с тем, кто принадлежит миру традиции. Развитие сети Интернет, телефонной связи заметно увеличило скорость распространения информации, в том числе оповещения родственников о случившихся или запланированных событиях в обрядовой жизни семьи (Головнёв 2020б). Благодаря активному общению в Сети среднее и отчасти молодое поколение активно участвует в процессе обрядотворчества, обсуждая традиционные формы обрядности и в некоторой степени создавая новые обрядовые практики.

Отправной точкой исследования послужило отсутствие работ, в которых рассматривается воздействие мобильной связи, интернет-ресурсов на современное обрядотворчество у народов Центральной Азии. Влияние социальных сетей на процессы кооперации сообществ центрально-азиатских мигрантов подробно исследовано (Социальные сети... 2015), в отличие от вопросов, связанных с модернизацией обрядовой культуры.

В период карантина и вынужденной социальной изоляции на смену полевым этнографическим исследованием пришло онлайн-общение. В основе проведенного исследования — 25 анкет¹, собранных посредством опроса информантов через мобильную связь, мессенджеры WhatsApp, Skype (устный диалог), электронную почту (письменная форма анкеты). Информация собиралась и анализировалась традиционными для полевой этнографии методами интервьюирования и анкетирования. Проводился мониторинг персональных профилей пользователей социальных сетей и сер-

¹ 23 анкеты собраны у жителей Казахстана (Актюбинская, Западно-Казахстанская, Южно-Казахстанская, Туркестанская обл.), две анкеты — у казахов, проживающих в России (Санкт-Петербурге), но поддерживающих связи с родственниками в Казахстане и принимающих участие во всех обрядовых мероприятиях семьи и семейно-родственной группы. Среди опрошенных респондентов 12 человек в возрасте от 40 до 60 лет, шесть человек в возрасте 25–35 лет, семь человек в возрасте 70–85 лет. Из 25 человек 14 женщин и 11 мужчин.

висов по общению («ВКонтакте», «Одноклассники», Facebook, Instagram) с целью ознакомления с общедоступными фото- и видеоматериалами, комментариями. Всего просмотрено 49 профилей, проведен анализ как текстовых, так и визуальных источников. Полученные материалы сравнивались с уже проанализированными данными полевых исследований прошлых лет: 1998 г. — Алмагинская, Восточно-Казахстанская обл.; 2006–2007 гг. — Западно-Казахстанская, Актыобинская обл. (Стасевич 2006; 2007); 2009 г. — Актыобинская, Оренбургская обл. РФ (Стасевич 2009); 2014 г. — Туркестанская, Алмагинская обл. (Стасевич 2014); 2018–2019 гг. — Актыобинская обл. (Стасевич 2018; 2019). В итоге сложилась достаточно яркая картина, характеризующая общие принципы функционирования обрядовых практик в современных условиях. Наиболее востребованной площадкой для общения стал мессенджер WhatsApp, его используют большинство казахов вне зависимости от возраста и социального положения, как для деловых, так и для повседневных контактов. Для размещения фото- и видеоматериалов наиболее активно современные казахи используют Instagram. Менее популярными площадками для общения стали социальные сети «ВКонтакте» и Facebook.

Уровень развития информационных технологий в Казахстане довольно высок. Поэтому мобильная связь и беспроводной интернет доступны практически во всех населенных пунктах страны, даже в отдаленных сельских поселениях. Интенсивность общения и степень вовлеченности в цифровые коммуникации различаются в зависимости от возраста человека. Легко предположить, что молодежь и отчасти люди среднего возраста (до 50 лет) — наиболее активные пользователи Сети. Именно они создают и размещают большую часть информации. Люди старшего возраста заметно реже самостоятельно снимают и выкладывают в интернет фото- и видеоролики, предпочитая делиться материалами, получаемыми от других. Старшие родственники проявляют свою активность в текстовых сообщениях и менее активны в других формах коммуникации. Основной площадкой общения для них является мессенджер WhatsApp, они практически не представлены в социальных сетях.

Схожая с сегодняшней ситуация переосмысления и трансформации системы распространения информации уже имела место в прошлом, в период установления российского влияния в регионе, когда кочевые народы столкнулись с новым способом передачи информации — письменностью. Должно было пройти время, чтобы рядовые казахи научились пользоваться этим новым каналом связи. Не могу не привести уже неоднократно использовавшуюся исследователями казахской культуры цитату М. С. Бабаджанова по этому поводу, она очень ярко отражает настроения степняков в отношении распространения письменности: «До 1801 года киргизам нашим слово “письмо” было совершенно непонятно: оно представлялось им каким-то баснословным действием, как, например, парение в воздухе. С этого момента... у нас стали понимать, что письмо — не миф и что в иных случаях оно могущественнее словесного выражения желания» (2007: 78). Конечно, не распространение письменности стало причиной глубокого духовного кризиса казахского общества в конце XIX в., но именно письменность инициировала увеличение потока клеветы, доносов, в том числе анонимных, а следовательно, часто недостоверных, использовавшихся в борьбе за власть среди казахской элиты. Достаточно вспомнить горестные размышления Абая, поэтов эпохи «Зар заман» («Эпоха скорби») об упадке нравственности, разрушении традиционного мировоззрения казахов, канонов поведения и этических норм. Абай предлагал народу другое направление для реализации традиционных установок казахов на сбор и переработку информации, а именно — овладение наукой, позитивными знаниями (Попова 2007: 232). Внедрение в казахскую культуру письма, в его широком понимании, не только заметно изменило само восприятие пространства и времени у казахов, но и повлияло на ценность/обесценивание информации. Этот тезис ни в коей мере не должен рассматриваться как утверждение, что модернизация системы трансляции информации имеет негативный подтекст. Но нельзя забывать, что появление новых форм коммуникации всегда связано с культурными трансформациями, которые носят, как правило, необратимый характер.

В современном мире, где значительно увеличена не только скорость передачи данных, но и число доступных каналов сохранения и трансляции информации, способы проявления этнической идентичности также заметно расширились. Тема создания и функционирования новых форм этничности до настоящего времени остается дискуссионной. Еще в 1990-е годы классик сетевого подхода М. Кастельс предрекал трансформацию внутреннего содержания понятия этнической самоидентификации (Castells 2004). Мы видим, как за последние десятилетия сформировался ее виртуальный аналог. Исследователи феномена этничности предлагают множество теоретических подходов в его изучении, от признания того, что этничность сама по себе всегда отражает связь индивида с весьма условной по своим характеристикам группой, и в таком случае виртуальная этничность — лишь одно из проявлений этой связи (Macfadyen 2006), до утверждения о невозможности мирного существования реальной и виртуальной этничности (Nakamura 2002). Когда исследователи столкнулись с виртуальным пространством культуры, по сути, возникла противоречивая ситуация. К ним в руки попали материалы, о которых они давно мечтали: информация, полученная без фактора влияния на собеседника со стороны интервьюера. Но возникли другие трудности, связанные с этическими аспектами применения так называемой нереактивной стратегии (Синкевич, Федорова 2018: 47–48). Свобода пространства интернета, возможность открыто/анонимно высказывать свои суждения, не испытывая давления со стороны представителей старшего поколения, позволяет пользователям свободно обсуждать обычно конфиденциальные вопросы, связанные с мировоззрением, религиозной и этнической идентичностью, выбором приоритетных жизненных стратегий. Казалось бы несовместимые миры — аналоговая и цифровая культуры — сосуществуют, при этом «ни компьютер, ни самые-разные новейшие технологии хранения и трансляции информации отнюдь не мешают верить в Бога, конец света, в приход Мессии или инопланетян или общаться с духами предков» (Прокудин, Соколов 2013: 91).

Процесс обрядотворчества в современной казахской культуре, все еще ориентированной на воспроизведение традиций, является одним из самых ярких маркеров этничности. Семейная обрядность остается основным регулятором жизни не только в рамках семьи, но и всей семейно-родственной группы. Размещение в интернете материалов (фотографий, видеороликов) по традиционной обрядности стало неотъемлемой частью сегодняшней сетевой жизни современных казахов. Особый интерес для этнографов представляют посты, в которых люди делятся личным опытом проведения того или иного обряда, нередко сопровождая их комментариями и оценочными характеристиками. Интернет-сообщества стали своего рода локациями по реализации этнической идентичности. Для ее поддержания и актуализации используется так называемый этнический интернет, включающий этнически ориентированные ресурсы и сервисы (Головнёв и др. 2018: 102).

Нельзя не учитывать и скорость передачи информации. В этом отношении мобильная связь, мессенджеры стали основными каналами быстрого реагирования современного человека на грядущее или уже случившееся событие, которое требует обрядового оформления. В последние годы в социальной антропологии появилось и активно разрабатывается целое направление, связанное с изучением специфики скорости передачи информации, принятия решений и действий не только в современном реальном мире, но и в виртуальном пространстве (Эриксен 2003; 2020: 46–56; Головнёв 2020а: 55–78; 2020б: 7–32; Никитин 2020: 41–45 и др.).

Одним из каналов сохранения и быстрой передачи информации стала массовая фото- и видеофиксация обрядовых событий самими участниками мероприятия. Как уже упоминалось, наиболее активны в этом отношении молодежь и люди среднего возраста. Именно они снимают видео- и фотоматериалы, оперативно размещают их в Сети, распространяют среди родственников через мессенджеры. Приблизительно в середине 2000-х годов в обиходе появляются простые в использовании фотоаппараты, а затем и мобильные телефоны с камерами. Что уж говорить про сегодняшний день, когда на камеру телефона можно сделать за короткое время несколько десятков, а при желании и сотен фотографий, достаточно быстро отобрать наиболее зрелищные и отправить в Сеть. Фотографии и ролики сохраняются в памяти телефона, компьютера, их просматривают

не только члены семьи, но и достаточно широкий круг знакомых. Нередко материалы выкладываются в социальных сетях, передаются и широко тиражируются посредством WhatsApp-групп. Для семей, члены которых оказались в силу разных обстоятельств разбросанными по миру, живущими не просто в разных городах, но и странах, видеосвязь давно стала обычной нормой общения. Свадьбы, дни рождения, похороны и поминки транслируются родственникам, которые не могут присутствовать на мероприятии лично. Ситуация социальной изоляции последнего времени только активизировала уже существующую практику объединения родственников в виртуальном пространстве. Некоторые семьи создают многоступенчатые WhatsApp-чаты, например одна группа, самая большая, включает троюродных, четверюродных родственников, другая — только двоюродных, самый узкий — семейный чат, в котором общаются только близкие родственники, как правило, объединяющие три поколения одной семьи. Новшеством последнего времени стали тематические чаты, связанные с распространением коронавируса, мерами предосторожности и особенностями поведения в период карантина. В зависимости от цели сообщества чаты могут объединять одноклассников, родителей детей, посещающих детский сад, школу, жителей одного квартала или многоквартирного дома и т. д. В группах, объединяющих родственников, обсуждаются планируемые мероприятия, участники поздравляют друг друга с праздниками, выражают соболезнования, планируют логистику передвижения и расселения гостей. Но в виртуальном сообществе стараются избегать вопросов, связанных с финансами: кто, сколько потратил на подарки, какую сумму передал семье умершего в качестве материальной помощи. Обсуждение таких тем считается противоречащим этикету. Старшее поколение весьма активно в таком общении, пожилые родственники, которые самостоятельно не могут подключиться к чатам и видеотрансляциям, просят детей и внуков помочь им войти в контент, а при необходимости и переслать понравившуюся фотографию или видеоролик другим родственникам или знакомым. Такая просьба никогда не остается без ответа, поскольку отказ противоречит традиционному канону поведения.

В современном казахском обществе, как и в прошлом, достаточно сильна рефлексия по поводу социальной престижности. Обрядовая сфера остается одной из главных площадок демонстрации статуса семьи. Социальный престиж (у меня будет не хуже, а может и лучше, чем у других) становится мощным стимулом распространения инноваций. Сами казахи называют такую практику *бәсіке бәйге*, что в переносном значении подразумевает конкурентную борьбу, соперничество, в том числе в проведении обрядовых мероприятий. Размещение в интернет-пространстве фотографий с обрядовых мероприятий стало визуальным подтверждением экономического достатка и социального статуса семьи. Поэтому быстрое распространение видео- и фотоматериалов, которые заведомо ориентированы на демонстрацию пышности в проведении того или иного обрядового мероприятия (комические фото стараются не распространять, ими делятся только среди самых близких и доверенных родственников и знакомых), стало прекрасным стимулом для заимствования и копирования наиболее престижных, с точки зрения самих носителей традиции, обрядовых практик. Один из ярких примеров — «соревнование» невест. Девушки в подготовке приданого, выборе свадебного платья и украшений ориентируются на своих подруг, хотя перещеголять их или по крайней мере соответствовать уже заданному предшественницами уровню. Современным девушкам предлагается широкий выбор «национальной» одежды, включая дорогостоящие дизайнерские серии свадебных платьев и аксессуаров. Особое внимание уделяется выбору и покупке свадебного головного убора *сәукеле*². В этом «соревновании» участвует и семья невесты. Особым статусом наделяется подарок матери невесты со стороны семьи жениха (*ана сүті* — «плата за молоко матери»): он должен быть достаточно богатым, демонстрировать окружающим, что невесту ценят, благодарят ее мать за достойное воспитание девушки. Таким подарком не грех похвастаться перед родственниками, он становится своего рода материальным воплощением статуса семьи невесты и экономического достатка семьи жениха. Интернет-пространство позволяет

² О традиции ношения *сәукеле* см.: (Стасевич 2006: 122-129).

представить визуальные образы максимально широкой аудитории, а не ограничиваться кругом близких родственников и знакомых. На казахский *той* (праздник), выложенный в Сети, приглашается неограниченное количество гостей. Свое «присутствие» такие гости обозначают посредством лайков, репостов, комментариев. Напомню, что по казахскому этикету настоящий праздник всегда многолюден, количество гостей рассматривается как показатель престижа, поскольку большой дружный клан таким способом манифестирует свое потенциальное социальное влияние (Попова, Стасевич 2020: 120). И в этом плане интернет-пространство отвечает насущным потребностям современных казахов, усиливая стократ возможности семьи продемонстрировать свой социальный статус. Престижная экономика в современном казахском обществе играет огромную роль, в том числе в организации обрядовой жизни семьи.

Несмотря на то что обрядность жизненного цикла казахов сохраняет единый общий сценарий на всей территории их расселения, она достаточно вариативна в деталях. Именно с этим и связано активное обсуждение обрядовых практик, желание транслировать большому количеству пользователей свой индивидуальный опыт проведения обрядовых мероприятий. Но нужно иметь в виду, что материалы, посвященные обрядности и размещенные в Сети, являются лишь виртуальным отражением реально существующих практик. Конечно, есть незначительные исключения, но касаются они, как правило, деталей обрядности, но не ее сути. В Сети не создается новая обрядность, это всего лишь одна из форм презентации уже существующей.

Среди обрядов жизненного цикла наиболее широко представлены в Сети практики, связанные со свадебной и детской обрядностью. Пандемия, вынужденное ограничение социальной активности внесли свои корректировки в обрядовую жизнь современных казахов. Значение интернет-пространства, мобильной связи увеличилось по сравнению с предшествующим десятилетием. Многие опрошенные информанты считают, что до изменения неблагоприятной эпидемиологической обстановки свадебные торжества можно и даже нужно сократить и перенести ряд мероприятий на более позднее время, когда снимут все карантинные меры. До этого момента число гостей необходимо ограничивать ближайшим семейным кругом. Среди обязательных личных встреч остается сватовство, мусульманский обряд бракосочетания (*неке қию*), знакомство семей (*құда құту*). Торжественный *той* в доме жениха с большим количеством приглашенных, обряд *беташар* (открывания лица невесты) часто переносят по договоренности сторон, о чем и сообщают всей родне в чатах WhatsApp, где размещают и фотоотчет об уже проведенных мероприятиях.

Заметно сократилось количество приглашенных гостей и на других праздниках. Дни рождения, даже юбилеи, Наурыз проходят в формате семейного торжества. Однако нужно отметить, что многие планируют после снятия ограничений провести повторные мероприятия по всем правилам казахского *тоя*. Родственникам, не присутствующим на мероприятии, рассылают фото- и видеоматериалы. Значимость такой рассылки подчеркивает тот факт, что родственники, не получившие хотя бы несколько фотографий с праздника, могут обидеться, подумать, что их игнорируют. Такого недопонимания стараются избегать, четко отслеживая диапазон необходимой рассылки.

Пожалуй, самыми освещаемыми в Сети остаются обряд надевания серег будущей невесте (*сырга салу*), ролики с основного свадебного торжества, связанного с приездом невесты в дом жениха (*кілін түсіру*), обряд «разрезания пут» у детей (*тұсау кесу*). Наибольшее количество фото- и видеоматериалов, выкладываемых в Сети, посвящены свадебным торжествам как наиболее зрелищным.

Погребально-поминальные мероприятия стараются проводить в очном формате, что еще раз подчеркивает консервативность традиции, связанной с проводами души покойного родственника. Онлайн-панихиды более характерны для проводов социально значимых личностей, прощаться с которыми планирует большое количество людей, часто живущих в отдалении от места события. В таком случае со всеми участниками стараются поделиться фотографиями, часто прямо во время трансляции. Большое значение отводится выступлению приглашенных гостей, каждый должен сказать слова поддержки семье покойного, поделиться личными воспоминаниями, связанными

с умершим, рассказать, какой он был человек, чего добился в жизни. Несмотря на то что при оповещении о смерти, дате и месте проведения похорон человека задействуются практически все каналы связи — звонки по стационарному и мобильному телефону, сообщения в WhatsApp, в социальных сетях — очное выражение соболезнования семье покойного в первые часы после оповещения о смерти остается одной из самых устойчивых практик. Это касается в первую очередь тех родственников и знакомых, которые живут в одном поселке, городе с семьей усопшего. Гостей принимают в доме умершего, встречают и угощают приходящих самые близкие покойному люди. Процедура встречи всех желающих поддержать семью, понесшую потерю, длится до дня похорон, а иногда и в течение всего сорокадневного траура. Некоторые информанты считают, что выразить соболезнование по телефону или в WhatsApp уместно, если умер пожилой человек, чья смерть была ожидаемой и вполне естественной. В случае неожиданной смерти молодого человека, тем более близкого родственника, необходимо посетить поминальные мероприятия и выразить поддержку его семье при личной встрече.

Количество приглашенных гостей заметно уменьшилось по сравнению с прошлыми годами, приглашают столько народу, сколько может вместить дом или квартира. Проститься с покойным приходят только самые близкие. Возникает напряжение, даже обида, со стороны тех родственников и знакомых, которых официально не позвали на погребально-поминальные мероприятия, ограничив их участие рассылкой фото- и видеоматериалов. Но нужно отметить, что по традиции проститься с покойным может прийти любой желающий, поэтому никто не осудит и не попросит уйти пришедших без приглашения.

Подчеркну, что именно погребально-поминальная обрядность наиболее ярко демонстрирует нам традиционализм, желание вопреки всему следовать устоявшимся обрядовым нормам. Один и тот же человек может отказаться пойти на свадьбу, перенести свадебные торжества, празднование юбилеев в своей семье на более благоприятное время, но готов проехать 700 километров и более, чтобы почтить память умершего родственника и поддержать семью покойного. В казахской культуре есть традиция приглашать в дом семью родственников или близких знакомых, которые похоронили родного человека. Приглашают после сорокового поминального дня, накрывают стол, вспоминают усопшего, читают Коран, пытаются поддержать родных покойного. В настоящее время получила распространение практика общей *садақа*, когда в дом приглашают сразу несколько семей (обычно до 20 человек), в которых за последний год умерли родные от коронавирусной инфекции. Такая практика направлена на поддержание родственных отношений и традиционного для казахов обычая взаимопомощи. Инициаторами проведения обряда, как правило, выступают представители старшего поколения.

Нужно сказать, что некоторые семьи, несмотря на запреты, проводят полноценные обрядовые мероприятия. Неофициально арендуют коттеджи, договариваются с хозяевами тойхана, даже заранее оплачивают все необходимые штрафы и приглашают гостей «с черного хода». Время мероприятия сокращается до нескольких часов, но факт остается фактом: обойти запреты при желании можно. В сельской местности по традиции ставят палатки, шатры, юрты во дворе дома и приглашают 100–200 человек, в зависимости от материального достатка семьи. Среди опрошенных мною были люди, которые осознанно отказывались от участия в таких многолюдных мероприятиях, боясь подвергнуть себя и своих близких опасности заражения коронавирусом. Но справедливости ради нужно отметить, что отказываются, как правило, от посещения свадеб дальних родственников и знакомых. Не прийти на похороны и поминки намного сложнее, большая вероятность того, что отказ повлечет за собой осуждение со стороны старших родственников.

Несомненно, что традиция онлайн-трансляций обрядовых мероприятий, размещения в Сети фото- и видеоматериалов останется в казахской культуре и после окончания кризисной ситуации, связанной с пандемией. Эта практика плотно вошла в современную жизнь. Тем не менее говорить о полной победе цифровой культуры над аналоговой схематикой рано, что применительно к теме нашего исследования означает: цифра, цифровые технологии, опыт и навык сегментации, тоталь-

ная кластеризация и автоматизация отдельных структур сами по себе не ведут к цифровой культуре (Прокудин, Соколов 2013: 91). Для обществ, традиционно ориентированных на поддержание сложной социально-родственной организации на всех уровнях коммуникации, межличностное взаимодействие, общение офлайн в ближайшее время останется в приоритете. Все опрошенные информанты подтвердили желание вернуться к такому типу общения. Интернет-пространство оценивается ими только как дополнительная площадка для размещения визуальных свидетельств проведенного праздника, обряда и не заменит офлайн-коммуникацию. Большинство обрядов будет проводиться вживую, но освоенный за это время канал связи между родственниками останется. Как и раньше, он будет актуальным для тех, кто в силу разных объективных причин не сможет присутствовать на обрядах лично.

Общение в Сети и через мобильные мессенджеры стало выходом из тупика, компенсацией дефицита личного контакта с родственниками. Технологические инновации оказывают влияние не только на повседневную жизнь человека, но и на обрядовую культуру, процесс обрядотворчества. Сокращается не только социальная дистанция между людьми, но и время передачи и осмысления информации, появляются новые способы хранения и трансляции знания, в том числе по обрядовым практикам.

Семейно-родственные связи на всех социальных уровнях до сегодняшних дней играют значительную роль в организации жизни современных казахов, оставаясь одним из основополагающих компонентов этнической культуры. Но эти связи время от времени нужно подтверждать посредством участия в обрядах жизненного цикла, через материальную взаимопомощь, разветвленную сеть дарообмена. Человек, исключенный из этой системы, обречен на социальную изоляцию. Поэтому для современных казахов сохранение и подтверждение существующих или создающихся посредством брака родственных и социальных связей так важно. И родственники, которые «остаются за бортом» в силу сложившихся обстоятельств, чувствуют себя некомфортно, а это порождает среди них непонимание и обиду. Информационное пространство интернета, мобильная связь позволили выстроить новую стратегию взаимодействия, они изменили сам механизм коммуникации, сохранения и передачи информации и не только в обрядовой сфере, но и в обыденной жизни. По сути, в современном мире мы сталкиваемся с новым способом самопрезентации, социализации человека.

Одним из направлений дальнейшего изучения репрезентации обрядовых практик казахов в интернет-пространстве может стать более пристальное исследование текстовых, фото- и видеоматериалов с точки зрения анализа их как самостоятельного источника. Это позволит перейти к комплексному анализу аудитории, принимающей активное участие в создании виртуальных образов «настоящих» казахских обрядов, выделить более четкие гендерные и возрастные различия размещенного в Сети контента, создаваемых сообществ в мессенджерах и оценить характер вовлеченности этих групп в цифровые коммуникации. Сравнение полученных данных с материалами, которые собраны в ходе полевых этнографических исследований, в процессе «сплошной» фиксации того или иного обряда, позволит выделить пласт наиболее актуальных в освещении интернет-сообществом обрядовых практик, атрибутов, зафиксировать как на практике реализуются / не реализуются предложения по модернизации традиционной обрядности. В контексте исследования этничности изучение новых форм сохранения и передачи информации по традиционной обрядности может стать одним из способов фиксации и анализа современных представлений казахов об этнических ценностных ориентирах, нормах этикета, мнений о дальнейших судьбах обрядовой культуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Стасевич И. В. Отчет о работе Актюбинской этнографической экспедиции, 2006 г. // Архив МАЭ РАН. Ф. К1. Оп. 2. № 1799.

- Стасевич И. В. Отчет о работе Актюбинской этнографической экспедиции, 2007 г. // Архив МАЭ РАН. Ф. К1. Оп. 2. № 1839.
- Стасевич И. В. Отчет о работе этнографической экспедиции, 2009 г. // Архив МАЭ РАН. Ф. К1. Оп. 2. № 1948.
- Стасевич И. В. Отчет о работе этнографической экспедиции 2014 года в Республике Казахстан // Архив МАЭ РАН. Ф. К1. Оп. 2. № 2240.
- Стасевич И. В. Отчет об этнографической экспедиции в Актюбинскую область, Республика Казахстан, 2018 г. // Архив МАЭ РАН (в научно-технической обработке).
- Стасевич И. В. Отчет об этнографической экспедиции в Актюбинскую область, Республика Казахстан, 2019 г. // Архив МАЭ РАН (в научно-технической обработке).
- Бабаджанов М. К. Этнография казахов Букеевской Орды. Астана: Алтын кітап, 2007.
- Головнёв А. В. Скорость в антропологии движения // Сибирские исторические исследования. 2020а. № 2. С. 57–78.
- Головнёв А. В. Киберскорость // Этнография. 2020б. № 3 (9). С. 7–32.
- Головнёв А. В., Белоруссова С. Ю., Киссер Т. С. Веб-этнография и киберэтничность // Уральский исторический вестник. 2018. № 1 (58). С. 100–108.
- Никитин М. А. Скорость и ускорение в антропологических исследованиях // Сибирские исторические исследования. 2020. № 2. С. 41–45.
- Попова Л. Ф. Информация как ценность в традиционном казахском обществе XIX в. // Лавровский сборник. Материалы Среднеазиатско-Кавказских исследований 2006–2007 гг. / отв. ред. Ю. Ю. Карпов, И. В. Стасевич. СПб.: МАЭ РАН, 2007. С. 228–233.
- Попова Л. Ф. Контроль за информацией в повседневной жизни традиционного казахского общества // Оазисы Шелкового пути: современные проблемы этнографии, истории и источниковедения Центральной Азии. К 100-летию доктора исторических наук Балкис Халиловны Кармышевой / отв. ред. Т. В. Котюкова. М.: Исламская книга, 2018. С. 694–699.
- Попова Л. Ф., Стасевич И. В. Современная свадебная обрядность казахов как феномен этничности // Этнокультурная идентичность. Феноменология и вариативность в контекстах истории XIX–XXI веков: материалы XIX междунар. Санкт-Петербургских этнограф. чтений. СПб.: РЭМ, 2020. С. 118–124.
- Прокудин Д. Е., Соколов Е. Г. «Цифровая культура» vs «аналоговая культура» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2013. Вып. 4. С. 83–91.
- Синкевич З. В., Федорова А. А. К проблеме соотношения реальной и виртуальной этничности // Социодинамика. 2018. № 8. С. 43–49.
- Социальные сети как площадка этнической коммуникации и средство предписания этнонациональной идентичности. Томск: Изд. дом Томского гос. ун-та, 2015.
- Стасевич И. В. Саукеле из Западного Казахстана в собрании МАЭ РАН // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии: Материалы международной научной конференции. Актюбе: Арыс, 2006. С. 122–129.
- Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов в XVII — начале XX века (политико-экономический анализ). Алма-Ата: Наука, 1971.
- Эриксен Т. Х. Тирания момента: время в эпоху информации. М.: Весь мир, 2003.
- Эриксен Т. Х. Время: (а)синхронность в эпоху смартфонов // Сибирские исторические исследования. 2020. № 2. С. 46–56.
- Castells M. *The Power of Identity*. Oxford: Blackwell Publishing, 2004.
- Macfadyen L. Virtual Ethnicity: the New Digitization of Place Body, Language and Memory // *Electronic Magazine of Multicultural Education*. 2006. № 1. URL: https://www.researchgate.net/publication/242563792_VIRTUAL_ETHNICITY_The_new_digitization_of_place_body_language_and_memory (дата обращения: 31.03.2021).
- Nakamura L. *Cybertypes: Race, Ethnicity, and Identity on the Internet*. New York: Routledge, 2002.

REFERENCES

- Babadzhanov M. K. *Etnografiia kazakhov Bukeyevskoi Ordy* [Ethnography of the Kazakhs of the Bukey Horde]. Astana: Altyn kitap Publ., 2007. (In Russian)
- Castells M. *The Power of Identity*. Oxford: Blackwell Publishing, 2004.

- Eriksen T. Kh. *Tiraniia momenta: vremia v epokhu informatsii* [Tyranny of the Moment. Fast and Slow Time in the Information Age]. Moscow: Ves' mir Publ., 2003. (In Russian)
- Eriksen T. Kh. Vremia (a)sinkhronnost' v epokhu smartfonov [Synchronisation and De-synchronisation in the Era of the Smartphone]. *Siberian Historical Research*, 2020, no. 2, pp. 46–56. (In Russian)
- Golovnev A. V. Skorost' v antropologii dvizheniia [Speed in the Anthropology of Movement]. *Siberian Historical Research*, 2020, no. 2, pp. 57–78. (In Russian)
- Golovnev A. V. Kiberskorost' [Cyberspeed]. *Etnografia*, 2020, no. 3 (9), pp. 7–32. (In Russian)
- Golovnev A. V., Belorussova S. Yu., Kisser T. S. Veb-etnografiia i kiberetnichnost' [Web-Ethnography and Cyber-Ethnicity]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2018, no. 1 (58), pp. 100–108.
- Macfadyen L. Virtual Ethnicity: The New Digitization of Place, Body, Language and Memory. *Electronic Magazine of Multicultural Education*, 2006, no. 8(1). URL: https://www.researchgate.net/publication/242563792_VIRTUAL_ETHNICITY_The_new_digitization_of_place_body_language_and_memory (accessed 31.03.2021).
- Nakamura L. *Cybertypes: Race, Ethnicity, and Identity on the Internet*. New York: Routledge, 2002.
- Nikitin M. A. Skorost' i uskorenie v antropologicheskikh issledovaniiax [Speed and Acceleration in Anthropological Studies]. *Siberian Historical Research*, 2020, no. 2, pp. 41–45. (In Russian)
- Popova L. F. Informatsiia kak tsennost' v traditsionnom kazakhskom obshchestve 19 veka [Information as a Value in the Traditional Kazakh Society of the 19th Century]. *Lavrovskii sbornik. Materialy sredneaziatsko-kavkazskikh issledovaniy 2006—2007 gg.* [Lavrov Collection of Articles. Central Asian and Caucasian Studies 2006–2007]. St. Petersburg: MAE RAN Publ., 2007, pp. 228–233. (In Russian)
- Popova L. F. Kontrol' za informatsiei v povsednevnoi zhizni traditsionnogo kazakhskogo obshchestva [Control over Information in the Everyday Life of the Traditional Kazakh Society]. *Oazisy Shelkovogo puti. Sovremennyye problemy etnografii, istorii i istochnikovedeniia Tsentral'noi Azii: K 100-letiiu doktora istoricheskikh nauk Balkis Khalilovny Karmyshevoi. Red. Kotiukova T. V.* [Oases of the Silk Road. Modern Problems of Ethnography, History and Source Studies of Central Asia: To the 100th anniversary of Balkis Khalilovna Karmysheva, Dr. of History]. Moscow: Islamskaia kniga Publ., 2018, pp. 694–699. (In Russian)
- Popova L. F., Stasevich I. V. Sovremennaia svadebnaia obriadnost' kazakhov kak fenomen etnichnosti [Modern Wedding Ceremony of Kazakhs as a Phenomenon of Ethnicity]. *Etnokul'turnaia identichnost'. Fenomenologiya i variativnost' v kontekstakh istorii XIX — XXI vekov. Materialy deviatnadsyatykh mezhdunarodnykh Sankt-Peterburgskikh etnograficheskikh chtenii* [Ethnocultural Identity. Fenomenology and Diversity in the Historical Context of the 19th–21st Centuries. Materials of the 19th International St. Petersburg Ethnographic Readings]. St. Petersburg: REM Publ., 2020, pp. 118–124. (In Russian)
- Prokudin D. E., Sokolov E. G. “Tsifrovaia kul'tura” vs “analogovaia kul'tura” [“Digital Culture” vs. “Analog Culture”]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Series 17. Filosofii. Konfliktologiya. Kul'turologiya. Religiovedeniie*. 2013, vol. 4, pp. 83–91. (In Russian)
- Sinkevich Z. V., Fedorova A. A. K probleme sootnosheniia real'noi i virtual'noi etnichnosti [The Problem of the Correlation between the Real and Virtual Ethnicity]. *Sotsiodinamika* [Sociodynamics], 2018, no. 8, pp. 43–49. (In Russian)
- Sotsial'nye seti kak ploshchadka etnicheskoi kommunikatsii i sredstvo predpisaniia etnonatsional'noi identichnosti* [Social Networks as a Platform for Ethnic Communication and a Means of Regulation of Ethnical Identity]. Tomsk: Izdatel'skii dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2015. (In Russian)
- Stasevich I. V. Saukele iz Zapadnogo Kazakhstana v sobranii MAE RAN [Saukele from Western Kazakhstan in the Collection of the MAE RAS]. *Aralo-Kaspiiskii region v istorii i kul'ture Evrazii: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. [The Aral-Caspian Region in the History and Culture of Eurasia: Materials of the International Scientific Conference]. Aktobe: Arys, 2006, pp. 122–129. (In Russian)
- Tolybekov S. E. *Kochevoe obshchestvo kazakhov v 17 — nachale 20 veka (politiko-ekonomicheskii analiz)* [The Nomadic Society of the Kazakhs in the 17th–Early 20th Centuries (A Politico-Economic Analysis)]. Alma-Ata: Nauka, 1971. (In Russian)

Submitted: 14.05.2021

Accepted: 26.11.2021

Published: 15.12.2021